

С.В.Самаркин

*Костанайский государственный педагогический институт***Анализ трудового потенциала Северо-Казахстанского региона
в конце XIX – первой четверти XX века**

Статья посвящена анализу трудового потенциала Северо-Казахстанского региона в конце XIX – первой четверти XX вв. Отмечено, что этот показатель является самым важным аспектом для характеристики социально-экономических и демографических процессов.

Ключевые слова: Северный Казахстан, трудовой потенциал, поколение, образование, профессия, трудовой потенциал, ресурс населения, население, численность населения, миграции.

Актуальность изучения трудового потенциала Казахстана на любом этапе его исторического развития не вызывает сомнений. Во многих государствах мирового сообщества, в том числе и на постсоветском пространстве, во главу угла поставлены такие вопросы народонаселения, как «старение нации», низкая рождаемость, которые могут привести к кризисным явлениям в экономической сфере, связанным с нехваткой трудовых ресурсов для удовлетворения обществом и государством своих возросших потребностей. Проблема использования трудового потенциала поколений нередко обостряется тем, что реальное количество дееспособного населения и его фактическое участие в производственной сфере не являются тождественными понятиями, так как значительная часть работоспособного населения сталкивается с проблемой безработицы и другими сложностями в реализации своей трудовой активности. Здесь важное место занимают вопросы престижа профессии, образования и квалифицированности потенциальных работников, половозрастные характеристики, наличие широкой производственной базы в стране или отдельно взятом регионе. Эти вопросы напрямую касаются настоящего и будущего развития казахстанского общества. Сегодня, в условиях реализации государственных программ по ликвидации безработицы и стремления нашей республики попасть в число экономически высокоразвитых государств, изучение подобной темы приобретает особую актуальность.

Период с конца XIX до первой четверти XX вв., когда в условиях усиления колониального, а затем и тоталитарного режима, при резком снижении населения всей страны, удавалось решать вопросы изыскания и использования трудового потенциала и ресурсов населения, представляет большой научный интерес. Учёными советского периода эта проблема рассматривалась, главным образом, в пределах политической и идеологической целесообразности, а современными отечественными авторами — в контексте экономического развития страны в разные исторические периоды. Анализ трудового потенциала поколений населения регионов Казахстана до сих пор не стал темой специального исследования учёных-историков.

Для характеристики трудового потенциала Северо-Казахстанского региона в исследуемый период нами проанализирован достаточно обширный массив источников. Это, прежде всего, материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Обзоры Акмолинской и Тургайской областей, статистические сборники и материалы периодической печати.

Анализ возрастной структуры и численности населения Северного Казахстана позволяет нам судить о рабочем возрасте жителей региона. Характеризуя данный период, мы чаще всего говорим о проблемах, связанных с высоким уровнем смертности всех возрастных категорий населения, что было следствием низкого качества здравоохранения, отсутствия санитарно-гигиенических условий проживания, голода и непрекращающейся череды войн. Вместе с тем, несмотря на указанные обстоятельства и резкое сокращение общего количества населения, отмечаются стабильный естественный прирост и постоянные притоки миграционных волн, что формирует особое, «молодое» состояние североказахстанского городского и сельского населения. Это объясняется высоким уровнем рождаемости, как среди коренного населения, так и в мигрирующей среде, и переселением в Степной край в основном представителей дееспособного возраста. Следует отметить и тот факт, что особенности экономического развития Кустанайского, Петропавловского, Кокчетавского и Павлодарского уездов

во многом совпадают. Это аграрные территории, которые находились под сильным воздействием переселенческих процессов конца XIX – начала XX вв. Промышленная сфера в регионе с самого начала носила исключительно аграрный характер, складываясь как отрасль переработки сельскохозяйственной продукции. Значительное распространение здесь получили прикладные ремесленные и кустарные ремесла. Вместе с тем ремесленники вынуждены были совмещать основную работу с ведением подсобного хозяйства, поэтому очень сложным был их строгий учет. Желание активно заниматься ремесленным производством существовало и у казахского населения, о чем регулярно, из года в год, сообщалось, например, в «Отчетах Тургайской области» [1; 37–38].

Под воздействием определенных факторов отдельные городские поселения Северного Казахстана выделились как промышленные центры: Петропавловск, в связи с нахождением на линии Транссибирской магистрали; Павлодар — с активной разработкой месторождений полезных ископаемых. В целом это не повлияло на общие для всего региона тенденции. Так, в «Обзоре Акмолинской области за 1915 год» сообщалось: «Наиболее крупной отраслью в фабрично-заводской промышленности являются паровые мукомольные мельницы... Большинство предприятий находится в г. Омске и Омском уезде. Второе место в этом отношении занимает г. Петропавловск... В уездах же и в остальных городах фабрично-заводская промышленность развита очень слабо, что объясняется отсутствием удобных путей сообщения» [2; 30].

Промышленные производства региона, обслуживавшие аграрный сектор, не представляли собой крупные заведения, их численность регулярно менялась, в зависимости от укрупнения или полного закрытия и находилась в прямой зависимости от урожая. Численность рабочих на этих предприятиях значительно менялась, большая их часть являлась сезонными работниками. Общее число работающих на таких производствах в Кустанайском уезде в начале XX в. колебалось в пределах 250-500 человек.

Проанализируем экономико-демографические характеристики трудовой активности различных категорий населения Северного Казахстана. Необходимо отметить, что в трудовую деятельность активно вовлекались и 12-13-летние подростки. В качестве основных возрастных групп условно можно выделить следующие: дети в возрасте от 0 до 12 лет; категория работоспособных — от 13 до 59 лет и людей старше 60 лет. Для примера обратимся к данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г.

Т а б л и ц а 1

Половозрастной состав жителей г. Кустаная и Кустанайского уезда по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Населенные пункты и территории	Возраст	Мужчины	Женщины	Всего	% к общему количеству
г. Кустанай	0-12	2469	2490	4959	35
	13-29	2049	2237	4286	30
	30-49	1548	1478	3026	21
	50-59	476	437	913	6
	60 и старше	564	527	1091	8
	Итого	7106	7169	14275	100
Кустанайский уезд	0-12	26094	25243	51337	33,6
	13-29	23585	22109	45694	30
	30-49	18731	15874	34605	23
	50-59	5468	4435	9903	6,4
	60 и старше	5784	5233	11017	7
	Итого	79662	72894	152556	100

Примечание. Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел / Под ред. Н.А.Тройницкого. — СПб., 1904. LXXXVII. Тургайская область. — 124 с. (Материалы табл. IIIб).

Как видно из таблицы, наибольшим количеством обладает категория трудоспособного населения от 13 до 29 лет — более 30% от общего состава населения. Мы также отмечаем и значительный уровень рождаемости, о котором свидетельствует первая возрастная категория. Компенсация и вос-

полнение трудового резерва в соответствии с этими данными шли за счет активного привлечения молодежи в трудовой процесс. Вместе с тем наблюдается нехватка категории населения от 50 лет и старше — 13–14 % от общей численности. Из них трудоспособная часть (по нашим данным, люди в возрасте от 50 до 59 лет) представлена лишь 6–7 % к общему числу населения, как в городе, так и в уезде. Следует отметить, что данная категория в связи с указанными цифрами не могла активно воздействовать на общий процесс участия в трудовой деятельности. Коэффициент трудового потенциала высок; на одного дееспособного в городе приходилось 0,74 ребенка и старика, в уезде — 0,69. Это говорит о весьма значительных рабочих ресурсах населения региона, а также о высокой воспроизводимости. Дореволюционный период оказал существенное влияние на изменение экономического развития Северо-Казахстанского региона. Его основу теперь составляет сельское хозяйство земледельческого типа, связанное с процессом «переселения» и с относительным сохранением традиционного скотоводческого уклада местным населением.

При оценке трудового потенциала переселенческого хозяйства обратимся к Статистическим материалам по подворному обследованию переселенческих хозяйств Петропавловского и Кокчетавского уездов Акмолинской области за 1910 г. При анализе работоспособного населения крестьянской семьи авторы «Материалов» предлагают собственную градацию возрастных категорий трудоспособного населения: нерабочее — до 13 лет, полурбочее — 14–17 лет, рабочее — 18–60 лет и старики — более 60 лет. Коэффициент трудового потенциала для мужского населения обследуемых поселков высчитывается в данном случае в 0,82, что вполне сопоставимо с данными Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Возраст вхождения во взрослое состояние был определен данными статистиками в 14 лет. [3; 2–3] Указанная возрастная градация трудоспособного населения сохранилась и в период установления советской власти.

Действительно, в первые годы советской власти официальным возрастом вхождения во взрослое состояние считались 14 лет. Так, в газете «Советская правда» от 29 ноября 1919 г. сообщается: «Отделом труда издано постановление, запрещающее прием на работы подростков моложе 14 лет. Во всех предприятиях, где работают малолетние, устанавливается рабочий день не свыше 4 часов для подростков в возрасте от 14 до 16 лет и 6 часов — от 16 до 18 лет. С уменьшением рабочего времени не допускается понижение заработной платы: труд подростков должен оплачиваться как 8-часовой рабочий день» [4]. Выглядит весьма сомнительным исполнение подобных постановлений. С 1920-х годов даже продовольственный паек зависел от социально-классовых характеристик и работоспособности всех категорий населения: «С 25 июля сего года (1920. — С.С.) в г. Кустанае, — говорится в объявлении Кустанайского районного продовольственного комитета о введении продовольственного пайка, — вводится классовый продовольственный паек, коим все граждане города разделяются на соответствующие категории в зависимости от их социального экономического положения, а также и трудоспособности каждого члена семьи...» [5, л. 3]. Соответственно, мы можем сделать вывод о реальных условиях раннего вхождения населения (с 12–13 лет) в активную трудовую деятельность. Это позволяет нам в этом вопросе оперировать одинаковыми данными, как в «дореволюционное», так и в «постреволюционное» время. С другой стороны, следует отметить, что повальное участие подростков в производственной сфере касалось главным образом аграрного сектора, что объяснялось традиционным укладом как крестьянского, так и кочевого хозяйства. В промышленной сфере подростки были задействованы, по официальным сведениям, незначительно. Так, по данным промышленной переписи 1920 г. среди наемных работников на предприятиях Кустанайской губернии число малолетних (т.е. не достигших 16 лет. — С.С.) составляло всего 7,5%. [6; 43]. По данным той же переписи отмечается и незначительное присутствие в промышленной сфере женского населения, что вполне объясняется тяжелыми условиями производства и его спецификой. Так, в Кустанайской губернии из общего количества занятых в промышленности лиц женщины составляли лишь десятую часть. Незначительное их количество было представлено не только в числе наемных работников и среди членов артелей, но и в категории служащих (10 человек из 245). Значительная часть женского населения участвовала в работе частных производств, будучи членами семей владельцев предприятий, а это каждый седьмой работник (203 женщины из 1398 работников) [6; 41]. Главной сферой применения женского труда был аграрный сектор, представленный в основном ручным трудом. Работа в поле носила сезонный характер, поэтому значительная часть женского населения оставалась без постоянной работы в осенне-зимний период.

В начале 1920-х гг. к крупным предприятиям относились те, в которых работали 30 человек «без двигателя», т.е. занятые ручным трудом, или предприятия, на которых работали 16 человек «с двигате-

лем», т.е. с использованием механизмов. Все остальные предприятия считались мелкими (кустарными). Большинство мелких предприятий носило сезонный характер, и их число зависело от количества собранного урожая. В городской местности на кустарных предприятиях было задействовано незначительное количество населения, не более 3% от всего наличного и не более 10% работоспособного.

В сложных условиях усиленного администрирования в период «военного коммунизма» всей хозяйственной деятельности под особый контроль попадают незасеянные пахотные земли, наличный рабочий скот, а также все трудоспособное население. От трудовой повинности весной 1921 г., непосредственно перед началом «голода» в поселках, станицах и аулах, освобождались лишь «...на каждые пятьсот дворов пять человек и одна обозная лошадь» [7, л. 3; 8, л. 18].

Таблица 2

Половозрастной состав жителей г. Кустаная и Кустанайского округа по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Населенные пункты и территории	Возраст	Мужчины	Женщины	Всего	% к общему числу
г. Кустанай	0-12	3935	3903	7838	30,8
	13-29	4219	5159	9378	36,9
	30-49	2619	2608	5227	20,6
	50-59	600	743	1343	5,3
	60 и старше	709	922	1631	6,4
	Итого	12082	13335	25417	100
Кустанайский округ	0-12	68291	67490	135781	34,9
	13-29	63505	66067	129572	33,3
	30-49	39866	38762	78628	20,2
	50-59	10946	11055	22001	5,6
	60 и старше	10828	12526	23354	6,0
	Итого	193436	195900	389336	100

Примечание. Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. — М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. — С. 110–113.

В этих условиях, как и в дореволюционное время, одно из решений «трудоустройства» казахского населения советская власть видела в «переходе на оседлость». В этом процессе декларировалась система стимулирования, которая представлялась в постановлениях о работе «среди местного населения»: «Тягу среди киргизской бедноты к земле надо поощрять не случайными и единовременными мерами, а рассчитывать на ряд лет, — сообщалось в одном из подобных документов. — Необходимо ввести премирование за огородничество, за улучшение молочного скота, за вывод стойкой рабочей лошади, за культурное полеводство и т.д. ...Кроме этих льгот, необходимо укрепить положение оседлых киргиз земледельцев отпуском им на льготных условиях с.-х. живого и мертвого инвентаря...» [9; 18]. Мероприятия такого рода так и остались на бумаге, несколько не улучшая положения казахского населения, а голодные годы тогдашними политиками воспринимались лишь как следствие неурожайных лет и отсутствия продовольствия. Решение проблемы виделось также в увеличении переработки сельскохозяйственного сырья и создании новых мест в промышленной сфере и снижении продналога. Еще один выход из сложившейся ситуации усматривался в создании единой системы кооперирования и борьбе с «частным имуществом». Коммуны начали появляться еще в докризисный период, по сути, дискредитировав себя к весне 1922 г., когда выяснилось, что большинство из артелей действует фиктивным образом. Очередная агитация «кооперативного» хозяйства началась с весны 1923 г., когда их общее число по губернии достигло 175. Реклама их представлялась как убедительное доказательство преимуществ новой «советской идеологии»: «Если киргизы стремятся создать «свой», киргизский кооператив, необходимо убедить их, чтобы он вошел в общую сеть единого кооперативного союза. Если русские кооперативы обособляются от киргиз, бороться надо с этим. В кооперации также надо создавать братство трудящихся всех национальностей, а не отгораживаться друг от друга национальными перегородками, т.к. национальная рознь выгодна только врагам Советской власти. ...Среди киргиз кооперацию надо строить, изучая их быт и уклад хозяйственной жизни.

Если назрела потребность в создании кооператива в районе с кочевым скотоводческим хозяйством, то тут может развиваться кооператив скотоводческий..., наоборот, в районе, где киргизы занимаются главным образом земледелием, там можно организовать с.-х. производственные артели» [10; 28–33]. Естественно, подобная «агитация» единой экономики для всего населения окончательно разрушала прежнюю систему традиционного хозяйства «кочевников».

Продовольственный и хозяйственный кризис ощущался и в годы Новой экономической политики, сопровождаемая и финансовыми трудностями. Многократно росли цены, в городах заработная плата не выплачивалась месяцами. Все это, при условии постоянного «недорода» хлебов, административного давления и роста классовой борьбы с «кулачеством» среди русского и казахского населения, в любой момент могло привести к новому «голодному периоду». В промышленной сфере отдельным предприятиям удавалось удерживаться на плаву, что, судя по отчетам, уже считалось безусловным успехом.

Одной из проблем начала 20-х годов XX в. также стала безработица. В связи с неурожайными и голодными годами часть крестьянских хозяйств разорялась, и в «поисках заработков» устремлялась в город. Статистики отмечали, что созданные биржи труда не могли охватить всех безработных. Количество зарегистрированных на бирже увеличивалось в зимний период и снижалось к лету, «с открытием полевых работ». Так, в Акмолинской области к маю 1922 г. количество стоящих на бирже безработных достигало почти 2500 человек, в августе их количество снизилось до 96. Такая ситуация наблюдалась повсеместно по всему Казахстану. Так, орган Центрального статуправления КССР «Статистический вестник» сообщает: «Такая же картина наблюдается и в Семипалатинской губернии, где до июня кривая находилась почти на одной высоте. К июню она падает с 3912 человек до 1892... перерегистрация на сентябрь месяц дала 90 человек» [11; 68–69].

Численность безработных увеличивалась за счет различных категорий работников, не только «чернорабочих», но и квалифицированных. По данным Кустанайской биржи труда за первую половину 1924 г. количество зарегистрированных безработных росло ежемесячно: на 1 января — 627 чел., на 1 февраля — 818 чел., на 1 марта — 1006 чел., на 1 апреля — 1234 чел., на 1 мая — 1639 чел., на 1 июня — 1839 чел. Трудоустроивался в среднем лишь каждый десятый. Ситуация начала меняться к лету 1924 г., только в июле уже трудоустроились 535 человек. Предполагаем, что для улучшения «цифровых» и качественных показателей в стране с октября 1924 г. начался «пересмотр» принятых на биржевой учет безработных. Из списков исключались следующие категории: совершенно не работающие; чернорабочие, проработавшие по найму менее 3-х лет; служащие, проработавшие по найму менее 5 лет [12]. Добавим, что в этот период наибольшие шансы получить работу имела категория 20-35-летних.

Активный учет численности рабочих и служащих предприятий губернскими секциями статистики труда начался с июля 1922 г., а затем продолжился с периодичностью в каждые полгода. Несмотря на все приложенные усилия, данный учет нередко оказывался приблизительным. По разным регионам недоучет работников доходил до 6-7% [13; 71–72]. Подобные цифры мы можем объяснить тем, что сезонные работы в Северо-Казахстанском регионе были явно связаны с сельским хозяйством, и большая часть рабочих оказывалась в весенне-летне-осенний период вовлеченной в аграрный сектор либо в другую деятельность, не подвергнутую учету. Для определения трудового потенциала населения в этот период вновь обратимся к статистическим сведениям о возрастном составе населения Кустаная и Кустанайского округа по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. и сравним их с данными Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Как видно из таблицы 2, число неработающих по отношению к работающим, исходя из возрастных характеристик, составило 0,59, что показывает большой трудовой потенциал городского населения. По сравнению с данными 1897 г. этот коэффициент значительно сократился — на 0,15. Преобладающей категорией является население в возрасте от 13 до 29 лет — 9378 чел. Обращает на себя внимание преобладание женщин в общем трудоспособном населении — 8510 против 7438. Это свидетельствует о том, что женское население, по сравнению с предшествующим периодом, более активно входило в экономическую сферу, что было итогом гражданской войны и голода, когда значительно сократилось дееспособное мужское население. Этому способствовало и изменение положения женщины в обществе. Число иждивенцев на число работающих в округе составляло 0,69, что вполне сопоставимо со средними данными Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Действительно, если не брать в расчет абсолютные цифры состава населения, мы можем прийти к выводу о том, что в условиях нестабильности социально-демографических процессов появилась некоторая устойчивость категорий населения, характеризующих его трудовую активность. Возможно, эта относительная стабильность

могла носить и национальный характер, так как в этот период наблюдалось усиление миграционного движения в край. Обратимся к демографическим показателям казахов, которые находились в условиях вынужденной «ломки» своего экономического уклада.

Т а б л и ц а 3

**Половозрастной состав казахского населения Кустанайского округа
по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего	% к общему числу
0-12	18499	18047	36546	29,6
13-29	20304	17705	38009	30,8
30-49	16446	14573	31019	25,1
50-59	5039	3772	8811	7,2
60 и старше	4265	4761	9026	7,3
Итого	64553	58858	123411	100

Примечание. Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. — М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. — С. 110–111.

Как видно из таблицы 3, коэффициент соотношения работоспособного и неработоспособного населения среди казахского населения оказался наиболее низким — 0,58. Это свидетельствует о значительном производственном потенциале казахского населения, с одной стороны, и определенных сложностях, связанных с нехваткой женщин. Несмотря на то, что женское население не являлось основной производственной категорией, мы отмечаем в связи с этими данными вероятное снижение деторождаемости в последующий период. Это обстоятельство подтверждается и цифровыми показателями, по которым видно, что воспроизводимость местного населения, по сравнению с другими этническими группами региона, заметно снижается. Здесь явно просматриваются последствия «голодных» лет и, с большой долей вероятности, изменение традиционного хозяйственного уклада кочевого населения. По поводу так называемой «нехватки» женщин у казахского населения в переписях 1920-х гг. высказывалось определенное мнение современных казахстанских исследователей — М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной, с выводами которых нельзя не согласиться. Их точка зрения заключается в том, «...что следствием недоучета, который происходил по различным мотивам: неполный охват женщин переписью... ..высокая смертность женщин в молодом возрасте, причиной которой является их непосильный труд и раннее замужество» [14; 61].

Если мы возьмем среднестатистические данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Кустанайскому округу, а также по Семипалатинской и Акмолинской губерниям, то выясняется, что рассматриваемый нами коэффициент характеристики трудового потенциала вполне сопоставим и колеблется в пределах 0,69-0,71 [15; 62–63, 84–85].

Таким образом, трудовой потенциал Северо-Казахстанского региона, сохранил свою стабильность и дееспособность на протяжении всего исследуемого периода. Тем не менее резкое снижение численности населения в результате исторических катаклизмов конца XIX – начала XX в. отразилось и на качественных характеристиках населения Северного Казахстана — на изменении половозрастной структуры общества, а также на устоявшихся социально-экономических моделях хозяйствования. Мероприятия по вовлечению различных категорий населения Северо-Казахстанского региона и всей страны в трудовую деятельность в дальнейшем будут основываться на жестком административном диктате со стороны государства.

Список литературы

- 1 Обзор Тургайской области за 1911 год / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. — Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1912. — 136 с.
- 2 Обзор Акмолинской области за 1915 год / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. — Омск: Электротип. Акмол. Обл. Правления, 1917. — 142 с.

- 3 Статистические материалы по подворному обследованию переселенческих хозяйств 9-ти типичных поселков (4 Кокчетавского и 5 Петропавловского уездов) Акмолинской области за 1910 год / Издание Акмолинского переселенческого района. — Омск: Тип. Штаба Омск. воен. окр., 1911. — 118 с.
- 4 Охрана труда малолетних // Советская правда. — 1919. — 29 нояб. — № 6.
- 5 Объединенный Государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). — Ф. 138. — Оп. 1. — Д. 101.
- 6 Волков М.Н. Промышленность Западной Киргизии (по данным промышленной переписи 1920 года) // Статистический вестник. — 1923. — № 1. — Б.м.: Орган Центр. Стат. Управ. КССР, 1923. — С. 17–47.
- 7 Государственный архив Костанайской области (далее — ГАКО). — Ф. 237. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 3.
- 8 ГАКО. — Ф. 66. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 18.
- 9 Ужгин С. Работа среди киргиз // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. — 1923. — Июнь-август — № 17.
- 10 Кооператор. Кооперативное строительство // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. — 1923. — Июнь-август — № 17.
- 11 Либерова Д. Безработица в КССР в 1922 году // Статистический вестник. — 1923. — № 1. — Б.м.: Орган Центр. Стат. Управ. КССР, 1923. — С. 68–73.
- 12 Берестин. Новые формы работы Бирж Труда // Красная степь. — 1924. — 18 сент. — № 81.
- 13 Волков М. Численность рабочих и служащих в фабрично-заводских предприятиях КССР на 1 июля 1923 года // Статистический вестник. — 1923. — № 2. — Оренбург: Государственная типо-литография №1 Управполиграфкома по Управпромгубу, 1923. — С. 70–85.
- 14 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга первая. — Алматы: Оркениет, 2000. — 144 с.
- 15 Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. — М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. — 256 с.

С.В.Самаркин

XIX ғ. аяғы – XX ғ. бірінші ширегіндегі Солтүстік Қазақстан аймағының еңбек әлеуетін талдау

Мақала Солтүстік Қазақстан өңірінің еңбек мүмкіндіктерін талдауға арналған. Бұл әлеуметтік-экономикалық және демографиялық үрдістерді сипаттаудың маңызды аспектісі болып табылады.

S.V.Samarkin

An analysis of labour potential of Northern Kazakhstan region at the end of XIX – first quarter of XX c.

The article deals with analysis of generations' labour potential in Northern-Kazakh region at the end of the XIX the century — the first quarter of the XX th century. It is the most important aspect to characterize socio-economic and demographic processes.